

Неизвестно, когда именно в человеческую архитектуру прокрался так называемый «принцип айсберга»: если над землей возвышалось от силы этажей десять, то под нее уходили все тридцать. У подземного строительства хватало преимуществ — оно, к примеру, разом решило проблему уличного шума. Обитатели центральных кварталов наконец-то перестали заваливать мэрию жалобами на заведения, работающие допоздна.

Над этой станцией мониторинга, уходившей вглубь на четырнадцать уровней, стояла лишь скромная одноэтажная постройка, так что жаловаться местным жителям было и вовсе не на что. Шлиффен, кажется, совсем потерял счет времени и пробыл внизу до глубокой ночи.

Ближе к полуночи Ивэнь спустился к нему с порцией питательной смеси и застал лейтенанта за починкой меха.

— Надо же, какие нынче пошли пилоты, — на лице Ивэня проступило неестественно-жесткое, язвительное выражение. — Сумел выявить все неполадки и уже ковыряется в двигателе. Вот только разобрать движок — дело нехитрое, а собрать обратно дано далеко не каждому.

Поставив поднос, антикварный робот бережно перенес Эрвина на пол и принялся менять резиновые накладки на колесах инвалидного кресла.

— Ну полно тебе, не сердись... — тихо примиряюще отозвался Эрвин, лежа на ковре.

— Господин Герман, — Ивэнь замер и повернул к нему металлическую голову. — Вы хоть помните, какая компания меня выпустила?

Эрвин вопросительно приподнял бровь.

— Я — новейшая разработка «Универсальной компании».

— Новейшая модель пятидесятилетней давности, — мягко уточнил Эрвин. — И что с того? Чем примечательна эта твоя «Универсальная компания»?

— Самое главное отличие в том, — Ивэнь указал манипулятором на хозяина, — что мы никак не связаны с Ассоциацией академий. Наши конструкторы, инженеры, маркетологи и даже специалисты по гарантийному обслуживанию — все они оканчивали заштатные провинциальные институты. Проще говоря, наши создатели — не чета вам, сухим сухарям из высшей лиги. У них есть чувства. И машины они проектируют не на основе голых математических формул, а с душой. Потому-то наша продукция, пусть она и сугубо гражданская, расходится куда лучше поделок ваших дочерних предприятий Ассоциации.

— Я купил тебя только потому, что твоя фирма просила за свои железки меньше остальных, Ивэнь. Эх... — Эрвин обреченно вздохнул. — И как я раньше не замечал, что в твою прошивку вшит такой длинный рекламный блок?

— Господин Герман, вы что, издеваетесь? — Ивэнь постарался как можно аккуратнее подхватить его под мышки, чтобы вернуть в кресло. — Я пытаюсь донести до вас, что я — мыслящее, чувствующее существо! И неужели вам совсем не интересен совет того, кто искренне за вас переживает?

— Похоже, у меня просто нет выбора, — сдался ученый.

Ивэнь проигнорировал его беззлобную иронию и перешел на приглушенный, заговорщицкий тон:

— Я не понимаю, зачем вы отдали ему этот мех.

— Подарить немного радости отчаявшемуся человеку — не преступление.

— Полноте! — от возмущения у робота замигал индикатор на груди. — Если он починит эту грудку металла, он улетит! Господин Герман, вы вообще соображаете? В один прекрасный миг двигателя взрвут, он ворвется в стратосферу — и поминай как звали! Нет, молчите, не оправдывайтесь! Выслушайте меня! Если бы он не рвался отсюда, он не светился бы от счастья при виде своей машины. Да он торчит там уже больше пяти часов кряду! Он спит и видит, как бы сбежать! Оставить это место позади!

Ивэнь выделил последнее предложение металлическим скрежетом:

— Вы совершили глупость. Сегодня вы совершили огромную ошибку.

Эрвин ничего не ответил, лишь молча отвернулся к темному окну.

— Сразу видно, что он вам небезразличен, — покачал головой Ивэнь.

— Что?! — Эрвин ошеломленно воззрился на своего помощника.

— Он вам дорог, но вы ведете себя глупо.

— И в чем же моя глупость? Держать его взаперти и бесконечно пугать скорой кончиной — это, по-твоему, правильный выход? — подобный упрек задел ученого за живое.

Поправив на хозяине складки домашней одежды, робот придал его парализованному телу более удобное положение.

— Ваш последний приступ утих почти сорок часов назад. Я очень надеюсь, что передышки станут длиннее... А еще лучше, если боль уйдет навсегда.

Ивэнь сделал паузу, его фоторезисторы тускло блеснули в полумраке.

— Я всего лишь бездушная машина, господин Герман. Но даже я знаю: настоящие чувства всегда эгоистичны.

Эрвин промолчал.

Прошло еще около десяти часов, прежде чем Шлиффен поднялся наверх. Всклопоченный, взмокший от пота, с перемазанными черной смазкой ладонями, он выглядел измотанным, но довольным.

— Умираю от жажды! Эй, раритет, сообрази мне воды!

Ивэнь бесшумно подкатил к нему со стаканом прохладной воды:

— Потихе, пожалуйста. Господин Герман уснул.

Только теперь Шлиффен заметил, что Эрвин действительно спит.

— Выпейте и тоже ложитесь, — сухо бросил робот. Его тон сегодня казался на редкость ледяным. Оставив стакан на краю стола, он бесшумно удалился во внутренние помещения.

После огромных подземных ярусов главная рубка больше не казалась просторной. Она словно сжалась, явив свою истинную, тесную природу; тусклые металлические переборки выглядели сиротливо и просто, напоминая заброшенный цех какого-то старого завода. Единственным теплым пятном во всей этой холодной серости оставалось инвалидное кресло. Но не само по себе — тепло исходило от человека, что дремал в нем.

Шлиффен наскоро обтер руки ветошью, взял стакан и бесшумно подошел к спящему. Свет в помещении почти угас, лишь блеклые отблески далеких звезд проникали сквозь обзорный экран, мягко ложась на лицо Эрвина.

Герс вдруг поймал себя на мысли, что до сих пор толком не разглядывал его. Лицо Эрвина, хранившее черты смешанного азиатско-американского происхождения, отличалось мягкостью линий. Тонкие, правильные черты были лишены всякой резкости, и потому, несмотря на зрелую, глубокую сдержанность, ученый до сих пор казался совсем юным. Герс вспомнил его глаза. Ему и раньше приходилось встречать темноглазых людей, но взгляд Эрвина был особенным — бездонным, спокойным, врезающимся в память раз и навсегда.

Усталость после тяжелого дня должна была свалить лейтенанта с ног, но сон не шел. Шлиффен

бесшумно подтащил стул и сел рядом. Заняться было решительно нечем, и он ловил себя на том, что просто вслушивается в размеренное дыхание Эрвина, мысленно считая каждый вдох и выдох.

Он позвал его про себя — так нежно и осторожно, словно надеялся пробудить, но боялся потревожить его покой.

«Эрвин Герман, знаешь... Со мной сейчас происходят удивительные вещи. В тот день, когда я очнулся в кабине меха, моя привычная жизнь безвозвратно раскололась на "до" и "после". Я паниковал, метался, не зная, куда деться, и готов был опустить руки, лишь бы уберечь себя от новых разочарований. Обо всем этом я безостановочно думаю с самой первой секунды своего пробуждения. И знаешь... Мне безумно хочется верить, что тогда, пятьдесят лет назад, когда ты открыл глаза после полувекового сна, на душе у тебя было точно так же паршиво и одиноко, как у меня сейчас»

Герс протянул руку и едва ощутимым касанием убрал прядь волос с его лба. Ему хотелось остаться здесь. Просто сидеть в этой звенящей тишине и беречь его сон до самого утра.

Тем временем на далекой, безлюдной Фамагусте пробуждался ото сна другой «он».

Можно ли назвать этот Прототип живым существом? Вряд ли на всем свете нашелся бы специалист, способный дать однозначный ответ на этот вопрос.

Первые секунды бодрствования принесли лишь глухую растерянность. В его сознание нескончаемым потоком хлынули гигабайты системных данных, но внутренне он по-прежнему чувствовал себя слепым младенцем, не понимающим абсолютно ничего.

[Приветствуем вас. Процесс инициализации завершен. Артериальное давление, пульс и дыхание находятся в пределах физиологической нормы.]

[Вы находитесь в контуре внутренней системы «Оуэн». Запущена программа адаптации: предоставление руководства по выживанию и общей сводки об окружающей среде.]

На его запястье активировался встроенный голографический дисплей — точь-в-точь такой же, какими пользовались обычные граждане Федерации.

Виртуальный ассистент на экране приветливо улыбнулся:

[Справочная информация: Военный прототип Модель Ноль разработан в 6936 году по общепринятому календарю. Запущен в производство в 6939 году. Срок активной службы составил двадцать шесть лет.]

[Объект находится в прямом подчинении главного военного сервера «Оуэн-Щит». Архитектура платформы совмещает в себе органические ткани, механические узлы, микроэлектронную базу и сопрягающие интерфейсы. Основное назначение: выработка военно-стратегических решений.]

— Какое мудреное и бесполезное описание, — пробормотал он.

Подобные реплики явно не входили в заложенный алгоритм ассистента, поэтому девушка на экране лишь безмятежно продолжила улыбаться:

[Запуск базового руководства. Текущая локация: планета Фамагуста. Тип космического тела: каменистая планета. Сила тяжести: 4g (в четыре раза превышает стандартную земную). Открытые пресноводные источники на поверхности отсутствуют.]

[Относительная влажность воздуха: 76%. Температура окружающей среды: +36 °C. Период обращения вокруг своей оси: 26 часов. Удаленность от Титана: 1,29 миллиарда километров.]

[Текущие координаты объекта соответствуют центральному сектору подземного комплекса Старого военного ведомства...]

Он бесцеремонно прервал отчет:

— Старого ведомства?

[Историческая справка: в 6968 году Командование вооруженных сил было передислоцировано на Спутник Титана 2 — Тайвэй-2, также известный как Белая Невеста.]

На экране замелькали панорамные снимки безжизненного ледяного мира.

[Тайвэй-2 представляет собой полностью обледеневшую луну. Толщина ледяного панциря достигает двух километров. Новая штаб-квартира расположена в подледном жидком океане. В отличие от твердых каменистых планет, водная среда обеспечивает максимальную скрытность и гибкость при размещении оборонных объектов. Последняя синхронизация данных производилась сорок шесть часов назад. Вывод на экран оперативной карты дислокации сил.]

Поскольку Прототип являлся прямой дочерней ветвью армейской сети, он по-прежнему имел беспрепятственный доступ ко всем зашифрованным военным частотам — по крайней мере до тех пор, пока система безопасности не пометит его как «критическую угрозу» и не заблокирует протоколы связи.

Вглядываясь в величественные, суровые ландшафты замерзшей луны на экране, он ощутил странный, щемящий отголосок эмоций. Встроенные базы данных бесстрастно сообщали, что именно там, в бездонных глубинах подледного океана Белой Невесты, покоятся его «старшие

братья» — гигантские вычислительные серверы «Оуэн-Щит-1» и «Оуэн-Щит-2».

[Благодаря вмешательству автоматического медицинского блока ваша органическая оболочка полностью восстановлена. Вы можете осуществлять прямое сопряжение с аппаратными комплексами. Разъем нейрошунта расположен в заушной области.]

[Внимание: электрический ток более не является вашим прямым источником энергии. Для поддержания жизнедеятельности органических систем требуется регулярное поступление воды, глюкозы и аминокислот. Сводная карта распределения ресурсов выводится на дисплей.]

Перед ним развернулась подробная трехмерная схема Старого ведомства. На колоссальной площади подземного мегаполиса — почти два с лишним миллиона квадратных километров военных лабораторий и бункеров — зелеными маркерами были подсвечены уцелевшие склады провизии.

[Доступна информация по транспортным средствам, средствам связи и терминалам управления комплексом. Пожалуйста, выберите интересующий раздел для подробного ознакомления.]

На экране развернулся бесконечный список доступных опций.

Холодный машинный рассудок требовал методично прокликать каждый пункт и усвоить инструкции, однако нечто иррациональное, скрытое глубоко в его новообретенном сознании, заставило его задать совсем другой вопрос.

— Кто я? — тихо спросил он.

Лицо виртуальной девушки ни на йоту не изменилось. Все с той же лучезарной, механической улыбкой она ответила:

[Вы — господин Эрвин Герман, сэр.]

<http://bllate.org/book/18311/1756283>